

Максим МАКАРЦЕВ (Москва)

XVI КОНФЕРЕНЦИЯ ПО БАЛКАНСКИМ И ЮЖНО-СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ И КУЛЬТУРАМ¹

Конференция по балканским и южно-славянским языкам и культурам (Balkan and South Slavic Conference), проходившая с 1 по 4 мая в городе Банфф (Канада, провинция Альберта), проводится уже в шестнадцатый раз, начиная с 1978 г. Принимающей стороной в этот раз стал Университет Калгари, при участии Университета Альберты, Университета Торонто, Университета Реджайны и при поддержке Канадского совета по социальным и гуманитарным наукам. Помощь в подготовке оказали фирмы D&V Electronics Ltd., Онтарио, и „Cinelume“, Монреаль. На конференции ученые из 9 стран мира (Австрия, Болгария, Германия, Канада, Македония, Сербия, Словения, США, Россия) представили более сорока докладов, большинство из которых было посвящено лингвистическим проблемам. Помимо этого, в нескольких докладах рассматривались вопросы балканских и южно-славянских литератур и малоизвестных источников по истории балканистики. В данном обзоре я хотел бы остановиться на основных и наиболее актуальных для современной лингвистики и лингвистической балканистики темах.

Прежде всего, это тема так называемых **партикул** (разного рода артиклей, междометий, местоименных и глагольных клитик, союзов, частиц и под.; термин Т. М. Николоевой (2008)).² В кругу балканистических проблем партикулы входят в сферу дейксиса, что определяет их место в процессе коммуникации. Коммуникация, в свою очередь, напрямую связана с **языковыми контактами**, взаимовлияниями, в случае балканского языкового союза (БЯС) – с возникновением и формированием балканизмов, что подводит нас к вопросу о **грамматической типологии БЯС** и к классическому вопросу определения предмета и задач балканистики в настоящем и будущем.³

Начнем с темы **партикул**. Если говорить о партикулах-клитиках в узком смысле, то особое внимание было уделено их позиции в предложении. Так, например, Ольга Мишеска-Томич (Университет Нови-Сада/Университет

копье) в докладе „Взаимодействие признаков балканского языкового оюза со структурами входящих в него языков“ описала синтаксическую истрибуцию клитик в балканских языках и показала основные семантические факторы, которые на это влияют. Ронелл Александер (Университет Калифорнии) в докладе „Еще раз о месте клитик в боснийском, сербском и орватском“ предложила дескриптивную модель распределения клитик во фразе в современных боснийской, сербской и хорватской нормах, которая читывает диалектологический, диахронический и прагматический аспекты проблемы. Традиционная формулировка правила расстановки грамматических литик „клитики занимают вторую позицию“ оставляла без ответа вопрос: ак определить, где начинается вторая позиция (после первого слова / сразу после первой составляющей / после первого слова второй составляющей?⁴). В снову своей модели Р. Александер положила деление фразы на ритмические составляющие (*rhythmic structure constituents*). На синхронном уровне модель озволяет выявлять различия между боснийской, сербской и хорватской ормами (так, например, в боснийских текстах вспомогательный глагол (= итика) *biti*, используемый для образования сложных форм, идет после первой оужной составляющей: *Nova godina 2007. je bila pomalo vanredna*, а хорватская сербская нормы допускают большую свободу, напр., связка может оказаться иутри второй составляющей: *Nova 2007. godina bila je malo drugačija* (хорв.), *ova 2007. godina bila je nešto drugačija* (сербск.)). Предложенная модель озволяет показать дивергенцию норм и динамику изменений каждой из их. Доклад Уэйлса Брауна (Университет Корнелла) „Синтаксические этюды адищанского хорватского“ был посвящен смежной теме: он сравнивал расстановку клитик в градищанском хорватском (земля Бургенланд, Восточная встрия) в сопоставлении с нормой хорватского языка Хорватии: в градищанском итики, в отличие от нормативного хорватского, не могут помещаться внутрь рвой составляющей; подчиненные предложения в составе сложного могут аговаться как единая составляющая и присоединять клитики после себя, что допустимо в нормативном хорватском; взаимное расположение возвратных и кузативных клитик варьируется в зависимости от лица местоименной клитики р. *Voјim te se* ‘Я тебя боюсь’, *Voјiu me se* ‘Они меня боятся’ но *Voјim se ga* ‘боюсь его’ и т. д.). Проблема расстановки клитик на материале болгарского ыка была рассмотрена в докладе Стивена Фрэнкса (Университет Индианы) „К просу о структуре болгарских сложных времен“, который проанализировал рядок местоименных клитик при использовании в одной конструкции болгарскими сложными временами (перфект, плюсквамперфект). На новании ряда примеров было выработано несколько моделей, описывающих спределение клитик в контексте синтаксических составляющих (*syntactic nstituents*). С. Фрэнкс считает, что если вспомогательный глагол предшествует ичастию, то синтаксическая составляющая не образуется. Только если ичастье предшествует вспомогательному глаголу в конструкции, где оно несено вперед при фокусировании (*participle fronted for focus reasons*),

образуется сложная синтаксическая вершина (*complex head*), внутри которой свободно могут быть помещены исключительно клитики.

Используя иерархию функциональных проекций левого края предложения, Вирджиния Хилл (Университет Нью-Брансуика) в докладе „Румынское *ia* как показатель императива“ показывает, что дискурсивный маркер *ia* ведет себя как клитики-показатели других наклонений, но в отношении него не действует запрет на совместное употребление, поэтому он является скорее дополнительным средством (усилителем/комплементаризером), чем показателем наклонения. Один из главных выводов ее доклада – необходимость учета роли дискурса при анализе синтаксических процессов.

Примечательный случай взаимовлияния балканских языков Петя Асенова и Василка Алексова (Софийский университет) рассмотрели в докладе „Балканский аспект *nota accusativi personalis*“ на примере специального маркера, позволяющего „подчеркнуть контраст между субъектом и объектом“ в нероманском ареале Южной Македонии. В славянских диалектах этого ареала одушевленный объект действия вводится при помощи предлога *na* (напр., *ne удрие и нъ нас*, ‘и нас тоже ударили’). Это можно сопоставить с использованием в подобной функции в балканороманских языках предлога *pe* (< латинск. *per*). Однако, П. Асенова и В. Алексова остерегаются приписывать развитие *nota accusativi personalis* в южномакедонских диалектах непосредственно арумынскому влиянию по ряду причин: в южномакедонских диалектах *nota accusativi personalis* восходит к эпохе до арумынского переселения и используется с большей регулярностью, нежели в арумынских; в арумынском эти конструкции скорее всего являются результатом румынского влияния. Считая это явление балканизмом, докладчики предлагают искать более общие причины, индуцирующие балканизмы, в частности, обращаясь к балканской модели мира (БММ) и ее системе бинарных оппозиций.⁵

Грейс Филдер (Университет Аризоны) в докладе „...Заемственность“ балканских дискурсивных маркеров“ рассмотрела такие общебалканские партикулы как (*a*)ма и (*a*)ми ‘но’, в традиционной грамматике имеющие значения дискурсивного маркера/междометия/противительного союза. Г. Филдер представила схему из концентрических кругов, основанную на оппозиции *центр/периферия*. В центре схемы находятся языки и диалекты, где (*a*)ма и (*a*)ми используются и как дискурсивные маркеры, и как союзы: это болгарский и македонский, арумынский и греческий; в переходной зоне находятся албанский, боснийский, ладинский, турецкий и цыганский (как дискурсивный маркер и как союз используется только (*a*)ма); на периферии – румынский, сербский и хорватский, где используется только (*a*)ма и только как дискурсивный маркер). Распределение функций этих элементов Г. Филдер объясняет „иерархией заимствованности“ дискурсивные маркеры заимствуются с большей вероятностью, чем союзы, поскольку, в отличие от последних, они принципиально коммуникативны и в большей мере связаны с ситуацией смены говорящих (*turn-related*) нежели с содержанием высказывания (*content-related*).

большая частота заимствования (*a*)*ма* по сравнению с (*a*)*ми* объясняется социолингвистическими факторами, в частности, степенью престижа языков-источников (итальянский (*ma*), греческий (*αμη/αμε/μα*), турецкий (*am(m)a*)).⁶

Перейдем к теме дейксиса, который необходимо рассматривать прежде всего в дискурсе/тексте – как это сделала Ольга Младенова (Университет Калгари) в докладе „Современное болгарское *та*“. *Та* в современном болгарском языке употребляется в функции частицы и союза ‘и, да’. В раннем новоболгарском языке дамаскинов XVII века О. Младенова нашла ряд употреблений *та*, характерных для современного языка (ср. *това що дръжиши та е червеи прадеи от моята вонещ плът*, „то, что ты держишь – это смрадный червь из моей смердящей плоти“, Тихонравовский дамаскин, упрощенная анскрипция). Она усматривает в этом употреблении *та* функцию отделения темы от темы в актуальном членении предложения и считает ее первоначальной функцией *та*, из которой развились известные современные употребления *та* в зоне паратаксиса и гипотаксиса. Превращение *та* из маркера актуального членения предложения в союз поставлено в зависимость от балканского явления исчезновения инфинитива и замены его аналитическими конструкциями.

М. Макарец (Институт славяноведения Российской академии наук) в докладе „Ускользящая эвиденциальность в переводе: анализ одного фольклорного текста“ обратился к другому компоненту балканского дейксиса: категории эвиденциальности, рассмотрев использование пересказывательных форм в болгарском переводе албанской сказки *Kostadin të vdekur* ‘Мертвый Костадин’ (классический балканский сюжет „Возвращение мертвого брата“), описанном К. Шапкаревым. В результате небольшого лингвистического эксперимента (текст Шапкарева был переведен на русский язык, затем носителям языка было предложено перевести его на болгарский) было получено 8 вариантов текста с несовпадающими употреблениями пересказывательных форм. Представление этих вариантов позволило говорить о нескольких стратегиях использования пересказывательных форм и сделать предварительные выводы об их функциях в тексте. Так, оказалось, что эвиденциальность маркирует текст целиком, а не отдельные предложения; переход между пересказывательными/пересказывательными формами привязан к сюжетным стыкам и обозначает своего рода code switching; позицию говорящего и слушающего по отношению к пространству текста (включенность/невключенность) определяет не столько выбор формы как таковой, сколько сам факт перехода от пересказа к пересказу и обратно. То есть, парадоксальным образом, носителем дейктической формации оказываются не только (и не столько) глагольные формы, а нечто, не имеющее материального выражения (и это позволяет на другом уровне опираться к метафоре Фридмана для вспомогательного глагола третьего лица: являющаяся и исчезающая улыбка Чеширского кота (Friedman: 1988: 16)). Елена Петроска (Университет Кирилла и Мефодия, Скопье / Университет Марианы) в докладе „Нарративный пересказ в македонском“ показала, что адаптированный для детей фольклорный текст, в котором отсутствуют

такие переходы между формами, и который выдержан исключительно в непересказывательных формах, воспринимается носителями языка как неправильно построенный в прагматическом и коммуникативном плане.

Вопрос прагматики и коммуникативного плана текста подводит нас к ситуации **контактов**, постоянной „готовности к изменениям“, которая проявляется как в межъязыковых, так и во внутриязыковых процессах. Упомяну в связи с этим доклад Джозефа Шаллерта (Университет Торонто) „Наблюдения над несогласованностью по роду славянского перфекта“, который проанализировал хорошо известные случаи в болгарских, македонских и торлакских сербских диалектах, когда субъект выражен суш. м.р. или ж.р., а в предикате, выраженном перфектом, причастная *-л-* форма стоит в с.р.: *Страх* (м.р.) *те било* (с.р.) (сербск.), *Нарот* (м.р.) *се збрало* (с.р.) *като на панаире* (Ихтиман – болг.) и др. Дж. Шаллерт ставит эти употребления в зависимость от семантики субъекта (время, погода, растительность, болезнь, вред, эмоции), что позволяет подойти к правилам, которые позволили бы предсказывать случаи несогласования по роду.⁷

Возможное „просачивание“ балканизмов за пределы Балкан было рассмотрено Томом Пристли (Университет Альберты) на материале румынского влияния на украинские говоры восточнославянско-балканороманского пограничья. Показательно, что один из самых явных следов этого влияния приводит нас к теме партикул. Речь идет о некоторых инновациях в употреблении посессивных клитик в украинских диалектах: *в'ін уз'ев їму гроші* 'і при стандартном украинском *він узяв у н'ого гроші* и под. Т. Пристли считает, что, хотя пока еще трудно говорить о балканизмах, следы румынского влияния в этих диалектах несомненно усматриваются. Такая дистрибуция балканизмов позволяет понять направления языкового влияния, см. доклад Дарины Младеновой (Институт балканистики, София) „Болгарские лексические изоглоссы: географическая дистрибуция и хронология“, где на примере восточно-балканославянских названий помидора (*домат*, *патлиджан* и под.), показана взаимосвязанность внутри- и внеязыковых фактов (в частности, сезонных миграций садовников) в контексте макроделения восточнобалкано-славянской территории. Зачастую балканизация определенного языка/диалекта может зайти так далеко, что перед исследователем встанут сложные, или даже неразрешимые вопросы, вроде этноязыкового статуса каракачан. Эта тема была поднята Теде Калем (Австрийская академия наук) в докладе „Арумынские элементы в каракачанском греческом“: он утверждает (полемизируя с Т. Папахаджи и Т. Капиданом), что большинство лексем арумынского происхождения в каракачанском, что является аргументом в пользу его романской основы, были заимствованы недавно и поэтому доказательством служить не могут, а поэтому следует признать греческое происхождение каракачан. Упомянем и доклад Джорджа Томаса (Университет МакМастера) „Сербохорватский как мост между балканским и карпатским языковыми союзами“, в котором анализируется близость разных диалектов сербохорватского соответственно к двум разным

(но ареально и типологически примыкающим друг к другу) языковым союзам: балканскому и карпатскому, что ставит исследователя перед парадоксальной ситуацией, когда разные диалекты по сути одного языкового континуума (ср. почти двухвековое существование сербохорватского языка) относятся к типологически разным языковым союзам. В этом аспекте весьма важным представляется доклад Виктора Фридмана (Университет Чикаго), который рассмотрел балканские взаимовлияния и их прогнозируемые результаты в глобальном аспекте. В его докладе „Турецкая грамматика в балканском цыганском: иерархии маркированности в балканистике“ был представлен опыт грамматической типологии цыганского языка на Балканах; в основу была положена степень грамматической интеграции в цыганском турецких элементов (турецкое влияние на цыганские диалекты варьирует от многочисленных лексических калек и заимствования отдельных грамматических элементов до полного перехода на турецкий язык).

Здесь мы переходим непосредственно к теме типологии. В этом смысле показателен доклад Гельмута Шаллера (Марбургский Университет) „Болгарский как европейский язык с лингвистической точки зрения“, где болгарский язык рассмотрен с точки зрения евролингвистики (направление, связанное с именем и идеями Норберта Рейтера): учитывая, что некоторые балканизмы объединяют болгарский с языками Западной Европы, он предлагает говорить о болгарском прежде всего как о европейском языке, который имеет общее наследие и общие тенденции развития с разными (небалканскими) языками Европы. Это, как считает Шаллер, выводит нас из анализа собственно языка к анализу современных политических реалий – хотим мы этого или нет.⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 08-06-08015).

² Понятие *партикулы*, среди прочего, помогает устранить разнобой в терминологии (проявившийся и в докладах на конференции: *auxiliary, clitic, particle* и др. часто использовались как синонимы). Другой способ избежать этого – составление полного списка рассматриваемой категории на уровне лексем (как это сделано в отношении древнерусских клитик в новой книге А. А. З а л з н я к а (2008).

³ Можно было бы также выделить фонетический блок, представленный докладами Гранта Лундберга (Университет Брайам Янг) „Тоновые различия в диалекте Селе“, Дональда Рейндля (Университет Любляны) „Судьба германских (пост)велярных в заимствованиях в словенский“, Меттью Кертиса (Государственный университет Огайо) „Аллолингвистический статус албанской палатально-альвеолярной аффрикаты *xh*“ и Рейчел Клиппенштейн (Государственный университет Огайо) „Начальные консонантные кластеры в албанском“, – но из соображений места я не буду касаться этих докладов.

⁴ Ср., напр., Н и к о л а е в а 2008: 163.

⁵ П. Асенова – один из немногих балканистов, рассматривающих балканистические процессы в контексте БММ. На этот раз в том же ключе был построен доклад Уте Дуковой „О сакральном времени в балканских языках: словарь календарных народных праздников“, в котором принципы обозначения временных отрезков (в том числе их персонификация) были рассмотрены *sub specie* общепалканских этнокультурных представлений, т. е. БММ.

⁶ К теме клитик примыкают и другие важные доклады, которые из соображений места мне придется только перечислить: Билла Дардена (Университет Чикаго) „Двойное отрицание в старославянском“, Джона Лифгрена (Университет Аризоны) „Использование полного и краткого определенных артиклей в болгарском языке“, Келли Майнард (независимый исследователь, США) „Глаголы *jam* и *kat* в самсунском албанском“, Ивелины Чизмаровой (Александр Колледж, Британская Колумбия) „Когнитивный обзор значений болгарской глагольной приставки *про-*“, Бояна Белича (Университет Вашингтона) „Когда *ово* и *ово* различаются“.

⁷ К теме грамматического несогласования примыкает доклад Андреа Симс (Северо-западный университет) „Номинальный синкретизм в сербохорватском, структура признака и ложное согласование“.

⁸ Вне настоящего обзора остались также такие чисто лингвистические выступления как доклады Марка Гринберга (Университет Канзаса) „Прекурская грамматика как источник материала по славянской компаративистике“, Дональда Дайера (Университет Миссисипи) „Социолингвистический обзор современной Молдовы в постсоветскую эпоху“, Александра Мурзаку (Колледж святой Елизаветы, Нью Джерси) „Язык, освобожденный от цепей“ (об албанском языке конца XX - начала XXI вв.), Джейсона Свецкого (Университет Чикаго) „Балканизмы как литература: Нишский диалект в прозе Стевана Сремца“, Марко Сноя (Университет Любляны) „Словенские топонимы с суффиксом *-ина*: сложные случаи“.

ЛИТЕРАТУРА

- Николаева, Т. М. 2008. Непарадигматическая лингвистика (История „блуждающих“ частиц). Москва.
- Зализняк, А. А. 2008. Древнерусские энклитики. Москва.
- Friedman, V. A. 1988. The category of the evidentiality in the Balkans and the Caucasus. In: Schenker, A. (ed.). American contributions to the Tenth International Congress of Slavists, Linguistics. Columbus.

Адрес автора:
Институт славяноведения РАН
Ленинский проспект 32-А
Москва 117334
Россия
makarcev@bk.ru

БАЛКАНСКО ЕЗИКОЗНАНИЕ LINGUISTIQUE BALKANIQUE

XLVII (2008), 2-3

Matériaux du colloque scientifique «Innovations linguistiques de contact dans les études des Balkans. Tendances et perspectives» (Berlin, le 4 – le 6 avril, 2008)

Organisateurs: La Commission de linguistique balkanique auprès du Comité International d'études slaves

L' Institut d' études slaves de l' Université Humboldt à Berlin

Vorträge der Tagung “Kontaktlinguistische Innovationen in der Balkanologie. Trends und Perspektiven” (Berlin, 4. bis 6. April 2008)

Veranstalter: Kommission für Balkanlinguistik beim Internationalen Slawistenkomitee

Institut für Slawistik der Humboldt-Universität zu Berlin

TABLE DES MATIÈRES

Helmut W. Schaller. Die Balkanlinguistik an der Wende vom 20. zum 21. Jahrhundert	117
Петя Асенова. Консерватизм и неология в условиях языковых контактов	125
Klaus Steinke. Kreolisierung, Hybridisierung und kein Ende	133
Christian Voss. Akkulturation im Schatten des Ethnonationalismus: die Sarakatsanen in Griechenland und Bulgarien	143
Ingmar Söhrman. The Romanian Pluperfect within the Past Tense System in Romance, Slavic and Balkan Perspectives	155
Лиляна Димитрова-Тодорова. Структура топонимов турецкого происхождения в регионе города Попово	163
Jürgen Kristophson. Ist das Bulgarische noch eine Balkansprache?	171
Corinna Leschber. Zwei etymologische Mitteilungen: bg. (dial.) paki und rum. murg (1), (2)	177
Красимира Колева. Личные имена на Балканах: сквозь традицию к глобализации	185

CHRONIQUE

Максим Макарецев. XVI конференция по балканским и южнославянским языкам и культурам	199
À l' attention des auteurs	207